

ИНТЕРВЬЮ

Антон Мазуров: То, чего нет в реальных новостях, превращается в фильм

Кинокритик и world sales агент рассказал о бессистемности российского кинематографа и о том, почему 90% снятых фильмов остаются на полке

РИНАТА ХАЙДАРОВА

— Ваш мастер-класс на «Флаэртиане» показался мне «рекламным»: вы неоднократно повторяли, что все режиссёры документального кино в том или ином случае проходят через вас, а если не проходят, то фильм остаётся на полке. Что это значит?

— Россия — страна, где всё, что происходит с кино, находится на зачаточном уровне в сравнении с европейскими странами. Я уже не говорю про Америку, где кинопроизводство прошло многолетнюю диверсификацию, «устаканилось», систематизировалось. Здесь, в России, всё бессистемно. Соответственно, и реальная конкурентность на рынке работы с фильмами, после того как они созданы, довольно низкая. Фактически российским неигровым кино, которое мы смотрим, например, на «Флаэртиане», никто не торгует. Фильмы сделаны, а авторы и продюсеры «с высунутым языком» потом бегают и думают, что с ними делать. По факту в России существует только одна компания, которая имеет систему работы с документальным кино. Я эту компанию создал со своей партнёршей, шесть лет поддерживал и ушёл, поэтому рекламировать напрямую мне нечего. Одним из камней преткновения для моего партнёра в этой компании было как раз неигровое кино, поскольку работы с такими фильмами много, а какого-то финансового успеха значительно меньше. Поэтому прагматическая позиция моего партнёра заключается в том, что от документального надо избавляться. У меня другие установки на этот счёт.

— Почему вы считаете, что продюсер не может с успехом продать фильм в отличие от sales-агента?

— Потому что sales-агент — это другая профессиональная работа. Необходимо знать нюансы и иметь отработанную стратегию. Основной вид деятельности продюсера — создание фильма, а кино — коллективное искусство. Но коллективная диверсификация труда происходит как до, так и после создания фильма. Иначе случится то, как оно есть: 90% снятых фильмов уходят «в никуда». Их показывают на двух-трёх фестивалях на родине, и... всё. Это убивает смысл созданного фильма. Он нужен для коммуникации не только зрителей, но и разных профессиональных и полупрофессиональных специальностей, которые «танцуют» вокруг фильма.

Кино — это машина коммуникации. В России сделать фильм в той структуре кино, которая сложилась, проще, чем что-то сделать с ним потом. А это напрямую зависит от разделения про-

фессий: на первых стадиях производства фильма они понятны, когда фильм закончен — нет. Ясно, что в голливудское конвейерное производство помимо создания встроен ещё и сбыт. Но все остальные фильмы, создаваемые на планете, существующей системе как бы не нужны. Поэтому часть из них создаётся авторами исключительно для того, чтобы отработать те деньги, которые они получили на производство. Дальше фильмы уходят «в корзину» или попадают в профессиональные руки, у них возникает жизнь. От этого процесса зависит, что будет с талантом, если он есть. Он может не родиться или быть на корню загублен.

— А как вы смотрите на идею ограничения творчества?

— Ограничение — это тоже хорошо. Отсекаются все те, кто пришёл по ошибке или из романтизма. Но тем не менее сортировка «раненых» фильмов нужна, чтобы отобрать тех, кого нужно поддерживать, а кого не нужно. Это такая радость селекционера.

— Исходя из ваших мыслей, складывается ощущение, что режиссёрский талант маловажен в кинопроизводстве...

— Талант необходим. Важно, чтобы кто-то смодерировал встречу между талантом и узнаванием этого таланта людьми. Ведь талант для публики — это информация. Кто-то должен сказать об этом, выбрать, показать. Это механизм. К примеру, мы носим кеды Converse. Но почему мы знаем, что хотим именно их? Потому что эту систему нашего интереса к ним, моду на них организовали профессионалы.

— Но вы сейчас говорите о мейнстриме...

— Нет. Я говорю о любом маркетинге. Маркетинг в области арт-кино называется кураторством. Сейчас в Пермской галерее идёт выставка «несуществующего пермского авангарда». Он мог бы дальше не существовать, если бы куратор не собрал её. Мой мастер-класс назывался «Почему фильм никому не нужен». Понимаете, тут то же самое.

— Либо ты не существуешь, либо ты никому не нужен...

— Да-да. «Человеку нужен человек», как сказал Снаут в «Солярисе». Первобытный человек оставил наскальные рисунки, но их должен кто-то найти, сказать, что они хороши. Всё это — система существования культуры.

— Если говорить про российское документальное кино, у него есть система?

— В нашей стране системы нет. Ведь система — это не просто правила, напи-

ФОТО АЛЁНА УЖЕГОВА

Арт-кинокуратор Антон Мазуров — единственный человек в России, работающий с дистрибуцией документального кино из разных стран. Один из основателей компании ANT!PODE Sales & Distribution, 10 лет работал вице-президентом и креативным директором российской прокатной компании «Кино без границ», был программным директором фестиваля современного арт-кино 2morrow

санные на бумаге где-нибудь в министерстве культуры. Это устоявшиеся порядки, которые во времени стали всем понятны, прозрачны, оправдали своё существование, были уточнены. У нас ничего подобного нет. Здесь поставлен на свой пост министр Медицинский — очевидный идеологический идиот, и сломалась даже та система, которая робко складывалась до него. Россия — страна принципиально бессистемная. В этом её отличие от Европы, которая предлагает свои правила, естественно складывавшиеся столетиями. И правила прозрачны и работают. А здесь вдруг из разных идеологических соображений кто-то позволяет себе ломать складывающуюся систему, считая, что так будет лучше. Но практика показывает, что систему можно сломать

несколько раз. В итоге — поломано всё. И механизма нет.

— Тем не менее в России есть Фонд кино, который так или иначе поддерживает российских кинопроизводителей. Другое дело — возможные коррупционные схемы, о которых часто говорят в СМИ и кинематографических кругах.

— Коррупция переводится как «порча, вред». Я не работаю в прокуратуре и не знаю, что происходит в Фонде кино. Но сам факт существования такой организации подразумевает возможный вред, который проявляется на уровне кадрового состава, местничества, когда друзья фонда получают финансовые преференции, а другие отсекаются. Когда идеология делает поправку на отсеечение талантливых сценариев, не попадающих